

ИОСИФ КАЛЛИНИКОВ

БОБРЫ

РОМАН

ПЕТРОПОЛИС / БЕРЛИН

Copyright
by H. Haessel - Verlag, Leipzig

I.

По реке месяц двурогий искры рассыпал бисером, а в лесу темень, да глушь, леший сюда и то не заглядывает, на что дошлый мужик, пройда. Зацепился за сучья он как то лохматою бородой взъерошенной и кончено, ни ногой больше, — до сих пор еще клочья на ветках висят — выцвели, поседели, замшавели, вроде пакли мотаются. И по всему лесу лохмоты эти, — точно паутиною его заплело болотною.

Лес с двух сторон. С одной — на буграх, до казачьей степи, где проторенный путь татарский до реки Свинь, и дорога зовется свинская — свинья поросная проторила стежечку и оставила на перепутьях становища — Аркинъ, Медынь, Голынь, Бальсан да Облынь, к этой самой дороге и другая подходит из Черниговщины через Трубецкую пуцу до Девяти Дубов Карачевских, — путь богатырский: Светличное, Княжичи, Лелячино, Любечь, Вятчи. А с другой стороны — топкий лес кочковатый, не продерешься в нем, в болоте утонешь — кричи не кричи — затынет, засосет по горло, время пройдет — обростет голова мохом и станет кочкою, чибис гнездо себе сделает на ней и будет покрикивать на кажую тварь, какая только к гнезду вздумает подойти за яйцами, — чи-и, чи-и, чи-и...

На буграх ни души, по низам — города, деревни — на сколько верст одна за другой у самого берега тянутся. Нагорожены терема со светлицами, с амбарами, с кладовушками, — по богатому мужики жи-

вут, хозяйственно, ночным промышляют делом, — испокон веков лес пилят. О дерево зубы скрипят, повизгивают, — артелью работают, подле каждого — мужика три стараются. Сосна либо дуб подвернется — не трогают, — осину да березняк валят. Коренастые мужики, приземистые, работяги, не терпят промежду себя лентягузых бобылей бездомников. Коли ты роженный, хоть и не крещеный, а подобает тебе жить в терему парюю, на выводок разводиться. На работу пойдут и лентяев с собой волокут, — нечего бока протирать, шубу изнашивать зря, хоть она и не плачена, сам ты оброс ею, а дар лесовой зорно портить. Уж если она тебе не нужна, шуба то эта, так на то и вобчество есть, — повалят такого на землю брюхом кверху, взвалят бревно — держи-ка, мол, его лапами — и поволокут на нем вместо салазок, — измают бобра, пока тот за ум не возьмется, не взмолится, либо душу не отдаст господу.

Испокон век так, что жильё к жилью, живое к живому тянет.

И вольные мужики на бугры пришли хаты ставить, — государеву службу править, думным боярам на шубы, на каравайные шапки бобра добывать.

И в грамоте у них прописано:

— Никому на двory их, бобровников, постоев не насылати и коней в подводы не забирать и от всякой повинности их увольняем, и ведомо будет каждому, что бобровники никому иному не повинны — издавна они государевы люди.

Семьею пришли... На буграх осели, — Селиван с тремя ребятами коренастыми, приземистыми, точно пни в землю вросли корневищами, один только младший не в пример вышел статностью. За ними на дым и другие по реке потянулись, — пять дворов с бабами. Селиван за старшего всем, у него и грамота, — принял в помосу себе пришлых бобровниками.

Осенью железы расставили, а весной бросили го-

ловню на бугры — горел лес до осени до самой той дороги, что Свинскою зовется, — ни корчевать его, ни возить — до пенушка огонь измолод, до корневищ — бобровникам пашня вольная.

Весною по буграм ковыряются мужики, пока Селиван с податью от дыма да рала на Москву ездит со шкурами. Вернется домой — хлеб вызреет, выводки в теремах на реке подрастут и заскрипит по ночам береза с осиною, — каждое дерево, что рубанком твоим, обстругано — молодец новый город у заводи ставит, запасаает к зиме кору сочную. Отстроются на зиму и бобровники на буграх в новину отгуляют свадьбы и сойдутся в ночную пору.

Старший, Артамон, — смиренный парень, в Селивана пошел, а средний Митроха выходит с ножом на бобра и норовит сперва отрезать мешок со струею.

— Целебная она у него — лихоманка тебя начнет сушить — первое дело струи выпить — рукой снимет хворобу эту. Кости начнут болота разламывать — привяжи к ним бобровые — отойдет немочь.

А по секрету ребятам шепнет Митроха:

— А то — капли этой струи девке в питево — ни одна не устоит...

Селиван сыновьям приказывает:

— Ты, Митроха, зубы у них повыдергай, бабы просили грудным ребятам повесить, чтоб прорезались у них поскорей.

К старости Селиван брал с собой в Москву младшего, а у того дума крепкая, — не дождетса осени, — видел он боярышню в терему, когда отец товар разворачивал на шубу бобров боярыне.

Ветер по лесам бездомным шататься — бобровщики на реку, дождались зимы — с шестами на лед выгонять из нор-теремов с гиком. Старые бобры полезли на нож. Селивана схватил один в клещи, пока не переломил костяка — не выпустил. Отнесли мужика замертво. Старший сын Артамон не выдержал, сказал умирающему отцу:

— Не могу этого, пускай середняк за старшего

над бобровщиками, ему и грамота... Разве ж можно бобра весной трогать, тут ему любу к себе приманывать, а мы его губим... Он же ее, как человек, лапою гладит, на дыбки становится целовать, стонет да охает, а мы его ни за что режим, — лучше от воли своей откажусь, а тварь божью разумную убивать сил нетути.

Понабили бобра, а вести некому. Ванька меньшей Селиванов уластился всем бобровщикам, — те и доверили, — бывалый человек, на Москве ходы знает выходы, — уехал и был таков — помutilа разум ему боярышня.

Селиван бывало в Москву, Артамон на мельницу, дочка мельника приглянулась, после смерти отца и запись дал на себя тестю.

— Я, Артамон Селиванов, бобровник, чиню ведомо сим моим писанием, что пристаю во двор Ионы мельника, до его дочки быти ему зятем, с этим моим тестем таковое, пристаючи чиню постановление: лет целиком десять живя в его дворе, повинен я его уважать яко отца своего, в делах всяких хозяйственных послушествовать во всем, яко отцу быти покорным. Тут же подтверждаю, что бобровати и не мышлю и не буду, сам себе в том запрещаю, что ежели бы я восхотел бобровати прежде десяти лет, согласно постановления имеет Иона мельник власть, тесть мой, отдаливши от всего, из двора выгнати и хотя бы я по десяти летех восхотел бобровати, заслуживши во всем согласно постановления, как во дворе, так и в пашне и во всех хозяйственных принадлежностях третью часть (опричь млина, в млине части нет), и того да буду чуж, яко странный пришелец, от всего того буду повинен удалитися.

Разнеслись о бобрах вести шалые и потянулся служилый люд добывать доходную землю, — присажали с грамотами, полонили подлых мужиков с дворишками в кабалу и бобровников силою захватить хотели, да началось российской земли шатание при царе Борисе.

По дороге Черниговской через Нерусу реку, через Севск с самозванцем ляхи с казаками двинулись и через Бобры прошли. А Бобры, что твой город — собор золотые маковки и в соборе протопоп Григорий, внук Селивана; еще Артамен отошел от мельника, — двадцать лет прожил, а жена померла — мельник и третьей части ему не выдал — пошел под старость в причетники, а сына Григория в попы выбрали, потому из старого рода бобровников и почет ему по родственному Митрохин Богдан добывал.

Подступили ляхи к Бобрам с казаками, и татар прихватили с собой, отряд человек в тысячу и пешие и конные, — Григорий с Богданом за ножи с бобровщиками. С ними и мужики захребетники, тяглые, — с вилами, с топорами, до единого, кто только ноги мог передвигать, — впереди Селивановы, — не пустили в Бобры воровской отряд: с бугров бревна катили лошадям под ноги, горящей смолой заливали головы, землю глыбами выворачивали — с бугров котом. Григорий, протопоп, рясу долой, топор в руки, — пока не подошла помога московская, на вылазках рубил вора головы — попадью свою, детей оборонял.

Бобры не в пример другим от воров отбивались, — в городах всякого люду по мерке отсыпано и ни на ком не написано, что у него на мысли, к тому же воеводы-бояре, Борисовы вороги, подсылали в народ крикунов-смутьянов подымать всякого передаться на сторону вора всем городом, а базарному люду и пришлому, — он как сума переметная, — кто ему больше дал на брагу, да на тютюн поганский, тот ему и отец родной, — тому все равно, а от них до скончания века слава за городом воровская — по всем проезжим дорогам с бубенцами и с листьем осенним носится, — Елец — всем вора отец, Ливны всем вора дивны, Карачев ему на поддачу, Орел да Кромы — первые вора, а Бобры — не пример другим, службе царевой верны, на что и городом никогда не были.

Целые годы в ту пору в колокола не звонили по церквам, — запустение, из сел разбежались мужики по лесам, либо за наживую дармовой ушли за воров и сами ворами стали, а кто поостался в Бобрах — тушинцев видел, а те храм сожгли и разрушили — попу, Григорию Селиванову, и служить негде, — наказал господь его, что церковь покинул, — хоть и воров-супостатов, а все же во Христе братьев своих убивал.

Потом, как поставили деревянную, новую, под шатром со звонницею на валуне камне, — выбрали на Москве Михаила царя и поп опомнился. А в церковь ему итти не положено — за оружие брался, пролил кровь человеческую. Ходил сумрачный, в доме своем не знал покою Бобровник Богдан надоумил челобитную написать в Москву. Поп с великим писал усердием и село назвал городом.

— Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу бьет челом богомолец твой, города Боброва церкви архангела Михаила, архистратига небесных сил, поп Григорьище Селиванов. В нынешнее государь, лихолетье, когда всяя Руси было шатание превеликое, когда приходил твой государь вор Гришка Отрепьев, да еще вор Тушинский с ляками и с татарами и с козаками и приступал ко граду Боброву, тем неприятелем город Бобры не поддался и бились с ними сколько мочи было, и я, богомолец твой, на приступе под Бобром, боронялся от себя и от города, убил твоих государевых изменников человек шестьдесят и больше, и от тех, Государь, мест я, богомолец твой, без твоего государева указа и без благословения архиерейского служить в церкви божи не смею... Вели, государь, мне служить по прежнему, чтоб церковь божиа, твое государь богомолье, впусте без пения не была и чтобы мне богомольду твоему, раззоренному от воинских людей, было чем кормиться.

Подивились в Москве на челобитную и вместо ответа попу, — по Филаретову указанию: приехал

из Москвы сын боярский Бобров с грамотой вотчинной на село Бобры, полонить мужиков тяглых у служилых людей и бобровников об один двор, потому не по закону они мужиков набрали себе в хозяйство, и начал беглых людей на заставе ловить и сажать на свои земли с крепостью, — крепость подписывали — кресты ставили над своею волею.

Григорий с Богданом писались внуками Селивановыми, а внук Селиванов Василий — Бобровым, потому пожаловал ему царь на Москве за службу вотчины и бобров сибирских и стал он ходить в бобрах, — шубу-то сделал не в пример другим — и внутри и снаружи покрыл мехом и прозвали его Бобровый.

Сперва от мужиков брал записи, а там и бобровщиков стал переманивать и уговором и силком.

Не дождался Григорий-поп грамоты, не вошел в церковь и оскудела мошна его — ребят куча, все малолетки, без малого семь человек да все девки, один только сын. А Григорию завет от отца клятвенный — в бобровщики не вертаться, да и как убивать-то, когда и без того от руки его кровь пролилась человеческая, и пришлось ему своему же сородичу в кабалу писаться, лишь бы не пропала семья.

Про смерть было писано:

— Овдовелую жену мою и дети моя с двором, в Бобрах стоячим, во вечное отдаю владение и послушание, в чем они бы имели всякую справедливость чинити им, когда востребует он сын боярский Бобров, яко жена моя и дети, под клятвою моею и неблагословением грожу и приказую, а если бы они хотели где уклониться на сторону тайно, или иного защитителя востребовати, или своей, яко владельцем своим, не чинить повинности, вольно ему, сыну боярскому Боброву их отдалить от двора и иного вселить, кого ему надобно, а он, сын боярский Бобров, повинен мне по христианску погребсти, сорокоуст отслужить и всячески отпомянуть.

Григорий поп в кабалу своему же родичу, а Бог-

дан с бобровщиками за ножи, — отстояли волю свою, что еще по грамоте давней была дана.

И стали Бобровы (от Селивана) владеть Бобрами, а бобровщики воевать с ними. Хоть и зверь измелчал, изведен годами, а воля-то милей кабалы холопской. Перебрались они из Бобров на выселки за реку, откуда она поворот сделала, на те самые терема бобровские, где еще бугорок неприметный вырос. На нем построил хату себе Богдан Селиванов с бабою и прозвище выселкам дал — Бобрики, а бобры на боблота ушли от людей.

Не унялся Бобровский род новозванный и выселки потянул в кабалу. Еще внук Богдана, Герасим Селиванов, Елизавете царице писал на него челобитную:

— Чинят нам господа несносные обиды: ибо владельцы наши, не объявляя нам никакого указу, но своею волею из наших товарищей притягают к себе в подданство нестерпимым боем, понеже, чтоб слушали и работали барщину им, растягши плетьюми бьют немилостиво, и между тем в прожитии нам немалое препятствие от них имеется с крайнею обидою, почему многие бобровники не дают оклада в казну твою, уже купно с тяглыми мужиками, отменяя повинность, барщину работают.

Ответ царицы короткий, — бобровщикам тяглыми быть Боброву.

Герасиму один путь — через казацкую степь в Запорожье буйное от Бобровского гнева.

Жене наказал уходя:

— Митькой зовут мальченку, так чтоб из роду в род старшему быть Митрием, может еще вольные придут времена, так будет ему примета моя.